

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

НЕОФФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Село Новое Уколово.

(Коротоякск. уѣзда)

Быть Уколовцевъ, а равно и ихъ двухштатнаго причта, не можетъ возбудить зависти. У послѣдняго дома у кого покосившіеся, у кого и вовсе почти повалившіеся; окна сплошь да рядомъ заткнуты подушкой за неимѣніемъ болѣе приличнаго матеріала. Внутри домовъ тоже невидится достатка. Изъ первыхъ есть и богатенькіе, даже землевладѣльцы, разумѣется только не крупные; а есть, и еще немало, и такіе, у которыхъ, по выраженію поэта, «на дворѣ—по травѣ хоть шаромъ покати». Стоитъ одна избенка, о малости и ветхости которой «ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать». Преимущественное занятіе Уколовцевъ, какъ уже выше было замѣчено, земледѣліе; есть впрочемъ, и другія, но уже, какъ бы, побочныя занятія, какъ, напр., плотничество и торговля скотомъ, преимущественно овцами, въ небольшихъ, конечно, размѣрахъ, не большихъ потому, что въ окружности нѣтъ почти вовсе пастбищъ для скота. Торговля скотомъ, обыкновенно, производится въ товариществѣ трехъ—четырехъ домовъ, есть также незначительное пчеловодство. Пчеловодовъ—то охотниковъ, пожалуй и много, но между ними не болѣе 3—4-хъ, у которыхъ болѣе 100 колодокъ на пасекѣ, у прочихъ же число ихъ не превышаетъ 20-ти Скотоводства, въ полномъ смыслѣ этого слова, почти что нѣтъ. Есть 2—3 лошади для полевыхъ работъ, да плохенькая коровенка—кормилица семьи, вотъ и зажиточный, стало быть, мужикъ. Къ чести Уколовцевъ нужно сказать, что они большіе охотники до лошадей, и благодаря этому, лошади въ Уколовомъ, болѣею частію, хорошія, такъ что сплошь да рядомъ продаютъ трехлѣтокъ коней по 100 и по 150-ти руб. Свиной и овецъ у многихъ и очень у многихъ совсѣмъ нѣтъ, такъ что по-

добныя семьи одѣваются и обуваются уже выработанной волной, беря прядь ее у богатыхъ *исполу*.

Тоже самое, что сказано о скотоводствѣ, нужно сказать и о садоводствѣ. Если и есть какіе сады, то они остатки когда то жившихъ въ Уколовомъ помѣщикахъ. Есть другаго рода сады,— это просто захваченный подъ помѣстье и забереженный лѣсъ.

Живутъ Уколовцы, если и не богато, за то чисто, сравнительно, конечно. Одѣваются они, особенно въ праздникъ, очень чисто, даже можно сказать, роскошно, женскій напр. костюмъ, изъ сорочки, понявы и сороки, или же, вмѣсто нея, кокошника, стоитъ нерѣдко 15-ть—20-ть руб. Но такіе костюмы надѣваются только въ особенно торжественные дни, можетъ 2—3 раза въ годъ. Въ менѣе же торжественные дни костюмы гораздо проще и дешевле.

Избы Уколовцевъ, за исключеніемъ не многихъ, бѣлены и снаружи, и изнутри, и съ трубами. Курныхъ избъ едва ли найдется 5—6-ть въ цѣломъ селѣ. Незнаю, что повліяло на искорененіе этого опаснаго способа постройки избъ.—Вѣроятно близкое сосѣдство малороссовъ и частыя сношенія съ ними. изба внутри такова: противъ входа, прямо въ упоръ красуется сколоченная изъ мѣлу громадныхъ размѣровъ печь. Вдоль стѣнъ идутъ лавки разной ширины. Налѣво отъ входа, въ такъ называемомъ переднемъ углу, стоитъ столъ, смотря по семьѣ, большихъ размѣровъ; а въ самомъ углу *божница*, наполненная образами самой незатѣйливой суздальской работы, перешедшими отъ дѣдовъ ко внукамъ, а можетъ быть и далѣе по числу колѣнъ, вслѣдствіе чего отъ прежнихъ образовъ остались почти однѣ доски съ найтусклѣйшимъ изображеніемъ какого-то святаго. Тутъ же, рядомъ съ образами, красуется, почасту, Еруслакъ Лазаревичъ или что—либо въ этомъ родѣ, и крестьянинъ, наравнѣ съ святыми, молится этимъ сказочнымъ героямъ, оправдывая извѣстную фаву о старухѣ, ставящей свѣчку какъ святому, такъ и сатанѣ. Въ заднемъ углу, параллельно съ печью и почти въ уровнѣ ея или же немного повыше устроены *палати*, слѣш, жау

обыкновенно, мѣстомъ ночлега для старыхъ и малыхъ. Послед-
ніе, впрочемъ, особенно въ зимнее время, имѣютъ тамъ по-
чти постоянное мѣстопробываніе, слезя развѣ только къ столу.
Пространство между печью и входомъ въ избу занято раз-
ной посудиною, необходимой въ хозяйскомъ быту, какъ то: чу-
гунами, горшками и пр., тутъ же, обыкновенно стоитъ кадка
съ водой, отчего въ этомъ мѣстѣ бываетъ постоянная мокрота,
будетъ ли полъ деревянный или же земляной. Въ последнее
время стремленія къ комфортабельности начинаютъ проникать и
въ среду сельскаго населенія, и Уколовцы, вслѣдствіе этого,
предпочитаютъ дѣлать избы свои съ деревяннымъ поломъ. Ко-
нечно эту роскошь позволяютъ себѣ только сколько-нибудь до-
статочные.

Трудъ распредѣляется между мужчинами и женщинами слѣ-
дующимъ образомъ: въ обыкновенную пору мужчина завѣдуетъ,
такъ сказать, внѣшнимъ хозяйствомъ, женщина же внутрен-
нимъ т. е., ея обязанность ежедневно накормить семью и одѣть
ее въ продолженіи года. Домашнее хозяйство, въ большихъ семьяхъ,
ведется женщинами по очереди, и каждая исполняющая
свою очередь, называется *деньщицей*. Въ страдную же пору
хозяйство лежитъ на одной, обыкновенно старшей въ семьѣ,
женщинѣ, — такъ называемой домосѣдкѣ. Нужно, впрочемъ,
правду сказать, что разграниченіе труда въ крестьянскомъ бы-
ту довольно трудновато. Въ страдную напр., пору, женщина, за
исключеніемъ косыбы и пашки земли, исполняетъ всѣ мужскія
работы.

Праздничные дни встрѣчаются Уколовцами и проводятся,
можно сказать, свято, по своему конечно. Святость эта,
впрочемъ, ограничивается лишь прекращеніемъ всякихъ работъ
еще до вечера на канунѣ праздника. Всѣ же другіе пороки
какъ то: пьянство, ссоры, драки и пр., запрещаемые христіан-
скимъ закономъ, какъ нарушающіе святость праздника, они
охотно дозволяютъ себѣ. Даже болѣе того, каждый, имѣющій у
себя въ карманѣ гривенникъ, считаетъ непремѣнною своею обя-

занностию напиться на него въ праздникъ и на безобразничать, несмотря напогромъ съ церковной каеедры духовенства, внушающаго наставленія Апостола не проводить праздничныхъ дней *въ пиянствѣ и козлогласованіяхъ*. Не опустительно въ каждый, праздникъ вечеромъ собирается у кабака хороводъ, и шумъ и гамонъ слышится далеко за полночь. Прекрасный полъ распѣваетъ веселыя, величальныя пѣсни, между которыми чаще другихъ слышится слѣдующая:

Лѣса темныя да зеленые,

Перелѣсочки мои частые,

Непройти мнѣ васъ, не проѣхати.

. . . . .

Торжественнѣе всѣхъ праздниковъ проводятся Уколовцами двѣ Троицынѣ и Ап. Петра и Павла. Въ послѣдней устраиваются почти что въ центрѣ села качели, подъ которыя собирается буквально все село—отъ малаго до стараго. Здѣсь кто чѣмъ занятъ,—пожилые люди шутятъ и острятъ другъ надъ другомъ, малые ребята дерутся въ кулачной свалкѣ, средній же возрастъ обоюго пола ведетъ промежъ себя интимныя бесѣды; немало также устраивается тутъ и любовныхъ интрижекъ.

Есть тутъ и пѣсни, и пляски, и веселый молодой и широкій русскій смѣхъ. Повальное пиянство, шумъ и веселыя пѣсни не смолкаютъ съ самаго ранняго утра до глубокой полночи, такъ что, по мѣткому выраженію обывателей, все село стонетъ отъ пѣсенъ и пляски. Троицынѣ день проводится еще шумнѣе, еще неистовѣе. Въ Троицынѣ день жители обоихъ Уколовъ, Стараго и Новаго, имѣютъ обыкновеніе водить такъ называемыя мѣстно *танки*. Это не что другое, какъ тѣже хороводы, устрояемые только не вечеромъ, какъ обыкновенно, а среди дня и съ гораздо большимъ веселіемъ и торжественностію. Послѣ обѣда, на первый день въ томъ селѣ, какому на этотъ годъ первому приходится очередь вести танки, молодежь обоюго пола, разодѣтая въ самыя лучшія наряды, съ вѣнками и цвѣтами на головѣ, спѣшитъ къ извѣстному сборному пункту, откуда,

когда уже соберется достаточно народа, идетъ съ пѣснями и пляской, варіированной до безконечности, въ другое село. Здѣсь, въ другомъ селѣ, дѣлается почти тоже самое, именно: всѣ разряженные тоже, скучившись въ не большія группы, ждутъ танокъ. И лишь только покажется хороводъ, къ нему присоединяются упомянутыя группы, и хороводъ, идя селомъ, все растетъ и растетъ, такъ что, придя въ центръ села, гдѣ онъ долженъ остановиться, онъ превращается уже въ громадную массу люда, занимающую цѣлую площадь. Пропѣвъ нѣсколько пѣсень, идущихъ къ случаю и напугавшись вдоволь, все это длится не болѣе полутора—двухъ часовъ, — хороводъ расходится. Кто идетъ къ роднымъ, кто къ знакомымъ. Тутъ имъ предлагается угощеніе велие—закуска и водка, и нагруженные порядкомъ таки, гости возвращаются съ пѣснями домой, на этотъ разъ уже не въ мѣстѣ, а отдѣльно—небольшими группами. На другой день повторяется тоже самое. Изъ того села, куда на канунѣ водились танки, хороводъ отправляется въ другое село съ такимъ же торжествомъ и церемоніями. Трудно сказать, откуда ведетъ свое начало этотъ обычай и что онъ означаетъ. Вѣроятно онъ есть какое—либо торжество языческое, уцѣлѣвшее до насъ. Но что имъ означается?—Этого нельзя ни какъ отгадать здѣсь нельзя пройти молчаніемъ другаго, пагубнаго обычая Уголовцевъ вести въ эти дни ожесточенный кулачный бой. Бой этотъ ведется обоими селами—село на село и въ лѣсу—на перепутьи между ими. Дерутся, можно сказать не на животь, а на смерть; и долго послѣ того ходятъ толки, что того-то порядкомъ помяли на бою, такъ что отъ этого онъ теперь такъ чахнетъ, а такой—т и вовсе умеръ... Да и какъ не умереть? Тутъ же у ногъ дерущихся стоятъ пни отъ срубленныхъ деревьевъ нерѣдко съ выдающимися остряками. Убѣгая отъ противной, одолавающей стороны, нѣкоторые, получивъ довольно вѣскіе толчки кулака, падаютъ, какъ попало на эти пни, а другіе и просто, зацѣпившись за что-либо, валятся тутъ же. Въ толпѣ, извѣстно, гдѣ упалъ одинъ, тамъ надъ нимъ сейчасъ же образуется цѣлая куча. Тоже бываетъ и здѣсь. И бѣда тому, кому первому придется упасть на пень. Огуманенный ударомъ кулака, онъ падаетъ на пень грудью, бокомъ или и вовсе головой и выносить

на себѣ тяжесть 5, 10-ти, перѣдко и болѣе человекъ, Возможна ли, послѣ того, жизнь, въ крайнемъ случаѣ, здоровье? Въ послѣднее, впрочемъ, время, благодаря стараніямъ волостныхъ властей, которыя просто на просто разгоняютъ бои, а также благодаря и собственному сознанію гибельности этихъ побоищъ, кулачные бои начинаютъ по немногу ослабѣвать.

Приступая теперь къ описанію суевѣрныхъ обычаевъ и примѣтъ, которыхъ упорно держатся Уколовцы, не лишнимъ считаемъ, для охарактеризованія умственного ихъ горизонта, предпослать нѣсколько нелѣпыхъ разсказовъ, послѣ которыхъ не покажутся уже странными тѣ часто мелочные, часто смѣшные обычаи, которыхъ однако, какъ замѣтили мы, упорно держатся Уколовцы. Такихъ разсказовъ, конечно, многое множество въ ходу между простолюдемъ; но намъ нѣтъ нужды приводить ихъ здѣсь всею сполна; для нашей цѣли достаточно выбрать два—три, особенно выдающіеся и какъ нельзя лучше характеризующіе умственную бѣдность отдаленныхъ нашихъ уголковъ—разсказа. Разсказываютъ, напр. что одинъ кабатчикъ, желая получать больше выгодъ отъ своего промысла, вздумалъ причудить колдовствомъ одного зажиточнаго мужичка къ своему кабаку. Для этой цѣли онъ проситъ одну изъ невѣстокъ старика, чтобы та, выдернувъ нѣсколько волосковъ изъ головы свекра, дала бы ихъ ему—кабатчику. Но невѣстка, думая, что на не доброе, вѣрно, онъ проситъ у нея свекровыхъ волосъ, и опасаясь, какъ бы ей чего небыло въ случаѣ, если откроется ея продѣлка, отрѣзала въ мѣсто свекровыхъ волосъ, гриву конской кожи, висѣвшей подъ сараемъ, и вручила просившему. Черезъ нѣсколько времени, послѣ этого, въ одинъ прекрасный день, домашніе слышатъ шумъ, какъ бы отъ паденія чего-то тяжелаго, видятъ далѣе, что это упала кожа и движется по направлению къ воротамъ. Отворяютъ ворота, кожа движется далѣе—къ кабаку, придвигавшись въ который, она взобралась на самую бочку съ водкой. Тутъ только невѣстка созналась и разсказала въ чемъ дѣло. Вотъ такъ было бы и съ тѣмъ мужикомъ, заключаетъ наивный разсказчикъ, и онъ несчастный не отходилъ бы отъ бочки!

Разсказываютъ еще такую исторію: чрезъ какую-то деревню или городъ—хорошо это неизвѣстно—проходили солдаты и дѣлали въ ней стоянку, довольно таки, должно быть продолжительную; потому что одинъ изъ солдатъ успѣлъ уже и подружиться и поссориться съ дочерью той семьи, гдѣ онъ стоялъ на квартирѣ. Желая отмстить этой дѣвицѣ, онъ сдѣлалъ—то, посредствомъ, конечно, волхвованія, что та «бѣдная», превратившись въ волка, пробродила съ волками цѣлые 7 мѣ лѣтъ; съ ними, будто бы, она и ѣла сырьемъ все то, что они приносили. Какъ будто между этими плотоядными водворены начала общезжитія! А ларчикъ-то тутъ гораздо проще открывается!.. Гораздо интереснѣе этихъ двухъ третій, выбранный нами, разсказъ, интереснѣе потому, что онъ съ рельефностью рисуетъ представленія простолюдина о Божествѣ. Одинъ мужичекъ, гласитъ разсказъ, уже прямо Уколовецъ, вздумалъ однажды, разумѣется послѣ болѣзни, заснуть летаргическимъ сномъ, во время котораго онъ видѣлъ Бога. На вопросъ окружавшихъ, каковъ же Онъ?—Отвѣчалъ, что Богъ сидитъ на чемъ-то въ родѣ престола, какъ можно заключить изъ его объясненій; одѣтъ Онъ въ синіе порты и красную рубашку (*). И во всю эту чепуху простонародье вѣритъ съ полной готовностью, какъ въ непреклонную догму.

Послѣ вышесказаннаго, читателю, говорю, не покажутся уже странными тѣ чудовищно-суетвѣрные обычаи, о которыхъ будетъ сейчасъ рѣчь. Начнемъ съ рожденія. По рожденіи младенца, во весь этотъ день считаютъ нужнымъ не давать ничего со двора, дабы новорожденный не сдѣлался воромъ. Затѣмъ, окрестивъ новорожденнаго и принеся изъ церкви домой, его кладутъ на разостланную кверху шерстью шубу, чтобы онъ жилъ счастливо и былъ настолько-же богатъ, на сколько шуба

(*). Въ простанародѣ этотъ нарядъ считается лучшимъ. Авт. Есть бредни и еще неабѣты; но многи пользы въ одномъ указываніи на нихъ?
ред.

обильна шерстью. Крестинный пиръ, котораго теперь за чашую и вовсе не бываетъ, выходитъ не такъ-то совсѣмъ весель. Гораздо большее бываетъ ликованіе, когда кума приноситъ своему крестнику рубашку. Для этого по прошествіи шести недѣль, воспріемницей выбирается свободный, по большей части, праздничный, день, въ который она приглашаетъ съ собою своихъ родныхъ, а за неимѣніемъ ихъ знакомыхъ и отправляются вмѣстѣ къ крестнику. Этому послѣднему несетъ обыкновенно матерью крестною гарусная ермолка, сорочка смотря по состоянію, большаго или меньшаго достоинства, крестикъ и поясъ. Кумовья, разумѣется, предлагаютъ гостямъ угощеніе, состоящее изъ обѣда и непременно штофа водки. Выпивъ эту водку и только заохоченные ею, а неудовлетворенные, хозяева и гости вмѣстѣ идутъ въ кабакъ, дѣлають складчину и вотъ тутъ то бываетъ море разливальное. Питію нѣтъ конца; пьютъ всю ночь и, нерѣдко, слѣдующіе дни два.

Браки Уволовцевъ какъ и вездѣ въ простонародьи, несмотря на близкое общеніе половъ, и возможное, стало быть, сближеніе, еще доселѣ совершаются, за немногими исключеніями, по расчетамъ и выбору родителей, а не жениха и невесты. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ. Извѣстно, что въ простонародьи въ повсемѣстномъ распротрненіи такъ называемые ранніе браки; мужикъ женить своего сына, 18-ти, а дочь выдаетъ 16 ти лѣтъ. Немыслимо, стало быть, присутствіе въ 18-ти лѣтнемъ мальчикѣ, да еще необразованномъ къ тому же, выработанной воли и сознательнаго выбора, а въ случаѣ не желанія вступить въ бракъ съ предлагаемою родителями невестой серьезнаго протеста. И вотъ уже и теперь обнаруживаются печальные плоды подобныхъ браковъ. Вступившіе въ бракъ такимъ образомъ, т. е., не по свободному выбору, а по желанію родителей не только что не живутъ ладно, но и вмѣстѣ. Такіе случаи положимъ еще рѣдки, но они все таки свидѣтельствуютъ о пробужденіи духа и въ средѣ сельскаго женскаго населенія.

Свадьба распадается на три отдѣльныя событія: такъ называемыя *противушки*, сведеніе жениха съ невестой и самую

свадьбу. Въ большей части случаевъ сватовство устроится въ кабакъ за чаркой вина въ дружественной бесѣдѣ. Отсюда то сватовство и получило названіе *пропивоиз*, и простолюдинъ не скажетъ: «мы просватали дѣвку, а мы пропили»... Дѣло это ведется такимъ образомъ: пьянствуя въ кабакъ, мужики, наконецъ, сходятся между собою и за чаркой вина, подъ чарующимъ вліяніемъ этого послѣдняго, отецъ жениха, а нерѣдко и невесты, предлагаетъ, какъ бы въ залогъ дружбы, женить сына или выдать дочь. Выпивъ здѣсь порядочно, и если дѣло идетъ наладъ, отправляются въ домъ невесты, конечно захвативъ съ собой закуску и водку. Тутъ сходятся окончательно и назначаютъ день сведенія жениха съ невестой или, что тоже, день образования. Веселая попойка дня на три вершитъ все это. Если же судьбѣ мачихъ неугодно бываетъ такъ устроить сватовства; то оно устраивается чрезъ сваху. Засылаютъ, по обыкновенію, сваху къ невестѣ, но она не прямо приступаетъ къ дѣлу, а окольными путями; говорить родителямъ невесты, что она де нашла покупателя на ихъ товаръ и пр. Если родители кобелятся, то она начинаетъ убѣждать ихъ сентенціями въ родѣ слѣдующей: этотъ, дескать, товаръ недорожаетъ, если его берегутъ, а дешеветъ. Чрезъ подобную аргументацію свахи нерѣдко выиграютъ. Если ужъ родители ненамѣрены отдавать своей дочери за сватающагося жениха; то прямо откажутъ на отрѣзъ; если же скажутъ, что подумаемъ, то въ этомъ опытная сваха видитъ непремѣнный успѣхъ; потому что, подумавъ родители, въ большей части случаевъ, соглашаются и даютъ чрезъ сваху знать, чтобъ сваты приходили съ хлѣбомъ и виномъ. Далѣе бываетъ также, какъ и въ первомъ случаѣ.

Сведеніе жениха съ невестой бываетъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ назначенный день женихъ съ родителями и родственниками пріѣзжаетъ въ домъ невесты, гдѣ уже собраны ея подруги, мѣстно называемыя *дѣвишницами*. Послѣдніе помѣщаются въ заднемъ углу избы и между ними находится невеста, какъ бы скрытая ими. Уставивъ на столѣ все припасенное съ собою, — а это бываетъ полный ужинъ съ отвѣтствующимъ количествомъ водки — и когда уже всѣ размѣстятся въ

должномъ порядкѣ, женихъ выходитъ на ередину избы, молится иконамъ, кланяется на всѣ 4 е стороны, и, затѣмъ, обратившись къ тому мѣсту, гдѣ находятся дѣвишницы, онъ вызываетъ невѣсту; называя ее по имени и отчеству, ну положимъ хоть такъ: «Марѳа Евѣимовна выступи сюда». Но невѣста не скоро сдается на эти обольстительныя слова. Лишь по троекратномъ произнесеніи упомянутаго вызыванія, раступаются дѣвишницы и, невѣста, выйдя изъ своей засады и въ свою очередь сдѣлавъ, тоже самое, что и ея суженый, т. е. перекрестясь передъ образами и поклонившись на 4 е стороны, становится подлѣ жениха съ лѣвой стороны. Они подходятъ къ отцу съ матерью, тѣ благословляютъ ихъ какъ жениха, такъ и невѣсты; и затѣмъ они нѣсколько разъ цалуются и выпиваютъ вмѣстѣ рюмку водки. При этомъ невѣста даритъ жениху платокъ, а онъ ей «ничего». Послѣ этого, они дарятъ всю честную компанію, начиная съ отца и матери.

Ужинъ или- правильнѣй, веселый пиръ далеко за полночь служить заключеніемъ всему этому. Дѣвишницы же между тѣмъ, по благословеніи, и выпивъ задравпую, ѣдутъ кататься, и веселыя, можно сказать, неистовыя пѣсни ихъ раздаются цѣлую ночь и на другой день до самой почти свадьбы. Онѣ развѣзжаютъ по селу, стоя на телегѣ и съ припрыжкой по ней распѣваютъ разныя величальныя пѣсни, въ родѣ слѣдующей, напр.

Бѣлый день при дорозѣ

Вѣтеръ развѣваетъ,

Развѣваетъ, къ землѣ приклоняетъ

и пр.

На другой день—день свадьбы, обыкновенно праздничный—нужно замѣтить, что крестьяне по излишеству работъ для свадьбы избираютъ, большею частію, воскресный или праздничный день—всѣ гости, въ обѣдъ этакъ или и позже, ѣдутъ съ поѣздомъ за невѣстой, чтобъ везти ее къ вѣнцу. Подѣхавъ къ невѣстинымъ воротамъ, поѣздъ останавливается у воротъ, такъ

какъ за просто непускаютъ дорогихъ гостей, а нужно итти и попроситься. Для этой цѣли отрягается въ избу съ пирогами дружка—посаженный отецъ жениха. Придя туда, онъ просится на квартиру, говоря: «пустите на квартиру, а то мы все село изъѣздили и нигдѣ непустили; все на васъ указываютъ». Ему отвѣчаютъ, что можно, но только съ обожданіемъ. Вручивъ кому-либо изъ домашнихъ пироги, дружка отправляется обратно изъ избы и вводитъ поѣздъ на дворъ. Но и тутъ гости не идутъ въ избу, а отправляется опять одинъ дружка, на этотъ разъ уже не съ пирогами, а съ плетью, застаётъ тамъ дѣвишницъ, въ мѣстѣ съ невѣстой возсѣдающихъ за столомъ. Эта послѣдняя успѣла уже, не задолго предъ тѣмъ, наплакаться вдоволь, прощаясь съ родителями, своимъ дѣвствомъ и дѣвишницами-бывшими ея подругами. Исполнивъ послѣдній обрядъ, который въ простонародьи называется голошеніемъ невѣсты, она уже вполне теперь готова къ вѣнцу. Обратясь къ дѣвишницамъ, дружка и съ угрозой спрашиваетъ: «зачѣмъ вы здѣсь»? Тѣ отвѣчаютъ, что они народъ званный. Кто васъ звалъ? продолжаетъ дружка въ прежнемъ тонѣ. Дѣвишницы отвѣчаютъ, называя имя отчество невѣсты. Но дружка и этимъ недовольтвуется; онъ тутъ не для той цѣли, чтобы спрашивать и объясняться съ ними; ему нужно, напротивъ, приготовить мѣсто для его спутниковъ. Ивогъ онъ безъ церемоніи начинаетъ гнать дѣвишницъ вонъ. «Ступайте вонъ, говоритъ онъ имъ, а не то, я васъ вотъ этою плетью; ступайте вонъ—это мѣсто мнѣ нужно для молодого князя NN». Не робки на этотъ разъ и дѣвишницы; онѣ отвѣчаютъ, что это мѣсто купленное, и если онъ дастъ имъ кружку вина и золотую гривну, то онѣ пожалуй готовы уступить мѣсто молодому князю и дорогимъ его гостямъ. Послѣ долгихъ пререканій, приносится, наконецъ, просимая кружка вина,—это, впрочемъ у богатыхъ,—а у бѣдныхъ просто на просто кружка квасу и на днѣ ея мѣдный грошъ. Это подается двумъ старшимъ, сидящимъ на *выскахъ*, (*) дѣвишницамъ. И лишь послѣ этого онѣ уступаютъ мѣсто свое. Вся эта про-

(*) У образовъ.

цедура называется *окупаніемъ мста*. Но дѣло, однако, далеко еще отъ конца. Послѣ описаннаго, за столъ садится еще родной братъ невѣсты продавать сестру, а за неимѣніемъ его — родной дядя или кто-либо изъ родственниковъ. Садится онъ съ громадной палкой или, проще сказать, съ дубиной, вѣроятно для устрашенія покупателя, которымъ является дружка же, дабы онъ былъ податливѣй на его требованія. А требованія эти таковы же, какъ и въ предшествующемъ случаѣ. Они исполняются подобнымъ же образомъ. И только, по исполненіи этихъ обычныхъ обрядностей, дружка вводитъ въ избу жениха и всѣхъ пріѣхавшихъ съ поѣздомъ. Вводъ совершается опять таки безъ обрядностей. Впереди жениха входитъ дружка, онъ несетъ полсть и пригоршню овса, взятаго изъ подъ коровая. Разостлавъ полсть подъ образами и положивъ въ нее принесенный овесъ, онъ усаживаетъ на ней жениха съ невѣстой. Затѣмъ, вокругъ стола усаживаются всѣ гости и бываетъ обѣдъ, который женихъ съ невѣстою только украшаютъ своимъ присутствіемъ, не касаясь къ нему. По окончаніи обѣда, забираютъ невѣсту и ѣдутъ къ вѣнцу. Предъ выходомъ молодой четы тщательно осматриваются пороги, а предъ выѣздомъ ворота съ тою цѣлю, чтобы помѣшать завистливому коловодству сдѣлать что-либо противъ счастья молодыхъ. Зорко также слѣдятъ, чтобы кто не всталъ между женихомъ и невѣстой, дабы онъ не послужилъ къ ихъ разъединенію и причиной ихъ несчастія. Когда выдутъ молодые садиться, чтобы ѣхать къ вѣнцу; то дружка три раза обходить всѣ повозки, дабы, если тутъ есть какой недобрый человекъ, немогъ онъ ни чего сдѣлать, завидуя счастью молодой четы. Почти во все время вѣнчанія невѣста бываетъ прикрыта кисеей, виспадающей ей почти до рта, такъ что хорошенько лице невѣсты можно разсмотрѣть только по отнятій покрывала, что бываетъ передъ надѣваніемъ вѣнцевъ, когда сваха, вѣроятно, считая ее уже замужней женщиной, не боится оскорбить ея дѣвическую стыдливость и спускаетъ покрывало на плечи. При самомъ браковѣнчаніи достойны упоминанія слѣдующія суевѣрные примѣты. Какъ извѣстно, подъ ноги молодымъ, едва ихъ введутъ въ церковь, сваха подстилаетъ, что Богъ послалъ — платокъ или полотнище холстины. На этту о подстилку невѣ-

ста и старается встать первою въ тѣхъ видахъ, чтобы господствовать надъ мужемъ. По совершеніи браковѣчанія новобрачныхъ выводятъ въ боковые двери для того, что, если кто изъ нихъ одержимъ хроническою или и постоянною болѣзнію, то выздоровѣетъ. Замѣчаютъ также чья свѣча больше сгорѣла, тотъ стало быть скорѣе умереть. По окончаніи браковѣчанія, поѣздъ при звукахъ пѣсни:

Леталь голубь, леталь сизый

Со голушкою....

Отъѣзжаетъ карьеромъ въ домъ къ жениху. Здѣсь опять принимаются мѣры къ упроченію счастія молодыхъ, именно: кто-либо изъ родственниковъ жениха вмѣстѣ съ своею женой, одѣвшись въ вывернутыя къ верху шерстью овчинныя шубы и взявъ пополовинѣ разрѣзаннаго на двое пирога становятся у воротъ по обѣ ихъ стороны. И едва только проѣдетъ черезъ нихъ поѣздъ сходятся другъ съ другомъ, складываютъ вмѣстѣ разединенныя половинки пирога и целуются. Дѣлается это для того, чтобы новобрачные жили ладно, счастливо и богато. Свадебный пиръ длится, какъ и вездѣ, три дня.

При елеосвященіи замѣчаютъ, что если дымъ пойдетъ къ верху отъ потушенныхъ свѣчекъ, то больной выздоровѣетъ, если же разстелется по землѣ, то умереть. Равнымъ образомъ, когда священникъ придетъ наутствовать больнаго; то замѣчаютъ поставитъ ли онъ, или же положить свою палку. Въ первомъ случаѣ больной выздоровѣетъ, въ послѣднемъ—умереть. Послѣ елеосвященія считается грѣхомъ ступить на полъ босою ногой.

При погребеніи въ Уколовомъ существуетъ довольно странный и, кажется, единственный въ своемъ родѣ обычай. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: при выносѣ покойника родственники его, или хоть и посторонніе, дѣлятся на двѣ партіи. И когда печальная процессія минуетъ уже ворота, эти партіи—одна во дворѣ запираетъ ворота, другая же съ улицы недозволяетъ это.

го сдѣлать. И смотря потому, какая партія одолѣетъ: если первая, то никто не умретъ вскорѣ послѣ вынесеннаго покойника, если же послѣдняя, то смерть въ скоромъ времени еще похититъ кого-либо изъ этой семьи. Дѣло конечно ведется со всевозможнымъ безпристрастіемъ!!.. Въ простомъ народѣ, какъ извѣстно, распространена вѣра въ похождения мертвецовъ, послѣ смерти. О родѣ походовъ этихъ существуетъ множество разсказовъ,—разсказываютъ, напр., что если молодая жена слишкомъ сильно тоскуетъ, по своемъ покойномъ мужѣ; то къ ней каждую ночь во образѣ мужа является сатана, прилетая на дворъ въ видѣ змія громадной величины и тутъ же разсыпается искрами огненными; разсказы эти, конечно подтверждаются множествомъ никогда небывалыхъ примѣровъ,—но всѣ они, главнымъ образомъ, сводятся къ тому, что тотъ только покойникъ можетъ ходить послѣ своей смерти, кто былъ колдуномъ или же колдуней. Лучшимъ средствомъ противъ этого крестьяне считаютъ осиновый колъ, вбитый у изголовья могилы подобнаго покойника. И вотъ разрѣшеніе загадки, откуда берутся на деревенскихъ кладбищахъ въ такомъ множествѣ осиновые колы близъ могильныхъ крестовъ,

Мы коснулись суевѣрныхъ обычаевъ и примѣтъ только при совершеніи таинствъ, но этимъ далеко не исчерпывается кодексъ ихъ. За недостакомъ времени мы упомянемъ только о болѣе выдающихся. Отчасти смѣшно, а отчасти и грустно за человѣка, когда онъ вѣритъ во всякую дребедень, надѣется больше на силу человѣка, имѣющаго якобы сношенія съ духами тьмы, или на силу какого—либо пустаго средства, а не на силу и помощь свыше. Вѣритъ въ слово человѣка больше, чѣмъ въ слово Бога! И духовенство отчасти не обезпеченное матеріально, отчасти и само раздѣляя суевѣрія народа, если и непокровительствуетъ имъ открыто, то, во всякомъ случаѣ, смотритъ на нихъ сквозь пальцы. Неговорю уже объ обычаяхъ безвредныхъ, но вредные то давно бы ужъ пора искоренить. Къ таковымъ, между прочимъ, относится обычай обогрѣвать усопшихъ родителей и родственниковъ въ ночь подъ Рождество Христово и Крещеніе, когда бываютъ наиболѣе сильные холода. Дѣло въ

томъ, что простолюдинъ вѣрить, что у человѣка и послѣ его смерти остаются тѣ же самыя потребности, какіе обнаруживаетъ онъ при жизни. И вотъ, въ трескучіе рождественскіе или крещенскіе морозы, продрогнувъ порядкомъ самъ онъ думаетъ, что тоже дѣлается въ землѣ и съ его покойнымъ родственникомъ, а потому и разводитъ такъ называемую, пурину—горящій среди двора костеръ, состоящій изъ соломы. Сожженіе пуринъ длится почти всю ночь, и хорошо любоваться красивымъ заревомъ засвѣтившимъ въ разныхъ концахъ села огоньковъ, но хорошо, если это окончится благополучно, а какъ?!.. Равнымъ образомъ, придите ка попросить какую—либо вещь по захожденіи солнца; никогда не получите просимаго хотя бы вамъ была не отложеная въ немъ нужда. Существуетъ предрасудокъ, что если дашь что по захожденіи солнца, то будетъ убывать хозяйство. Невыносятъ также сора изъ избы по захожденіи солнца, а то въ семьѣ будетъ ссора. Застучитъ ли дятель—эта благодѣтельная и полезная птица—въ уголъ дома, значитъ будетъ какое либо несчастье—покойникъ или еще что—нибудь. Закаркаетъ ворона, пролетая надъ дворомъ—опять несчастье. Когда кто по завидуетъ кому—либо и нехочетъ, чтобъ ему было худо съ глазу, тотъ долженъ сплюнуть и посмотрѣть на всѣ свои ручныя пальцы. Чтобы вывести таракановъ изъ дома, гдѣ они укоренились, лучшимъ средствомъ для этого считается слѣдующее: нужно поймать трехъ таракановъ и вклатать въ гриву лошади. Когда пропадетъ что, то, чтобъ отыскалась пропажа, служатъ молебень Ивану воину, отрѣзаютъ конецъ колокольной веревки и сжигаютъ; и пропажа, будтобы, отыскивается. Перебѣжитъ ли волкъ или заяцъ дорогу,—это случится, стало быть, несчастье на пути. По встрѣчается священникъ, тоже. Если же кто съ полнымъ встрѣтится, то путь будетъ счастливый. Выроетъ собака яму въ землѣ, чтобы укрытья отъ лѣтней жары и мухъ, въ семьѣ, стало быть, будетъ покойникъ. Перебѣстъ ли мышь хлѣбъ въ кладушкахъ, будетъ, значитъ, слѣдующій годъ голодный. Затѣмъ, если печеный хлѣбъ ѣсть снизу съ сподки, то будетъ тоже голодный годъ, если же сверху, то нѣтъ. Закричитъ ли воронъ на колокольнѣ—къ несчастью, прокѣтитъ пустушка—будетъ пожаръ. Если филинъ, именуемый

въ народѣ просто сычемъ, кричить на домѣ въ продолженіи извѣстнаго времени, то умереть кому-либо изъ семьи.

Въ простонародьи существуетъ вѣра что будто, душа п койника присутствуетъ въ домѣ до 6 ти недѣль послѣ смерти. И на этой то вѣрѣ основанъ обычай печь въ день помина лѣстницу изъ хлѣбнаго тѣста и, поставивъ ее уворотъ, служить панихиду по покойникѣ. Обычаемъ этимъ выражается особенное усердіе къ усопшему, т. е. душу его провожаютъ за ворота, а лѣстница служитъ къ облегченію душѣ восхода на небо.

Студентъ Кіевской духовной академіи Александръ *Васильевъ*.

СООБЩЕНІЕ ИЗЪ СЛОВОДЫ УРАЗОВОЙ.

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней ноября мѣсяца сего года, въ нашей церкви было сказано нашимъ приходскимъ священникомъ О. Павломъ Гравировскимъ поученіе, въ которомъ онъ описалъ ужаснѣйшія бѣдствія какія терпятъ жители Самарской губерніи, вслѣдствіе трехлѣтняго сряду неурожая хлѣба, приглашая насъ къ пожертвованіямъ, въ пользу голодающихъ. Въ теченіи двухъ недѣль послѣ этого, собрано болѣе 350 руб. сереб., которые уже и отосланы въ Самарскую губернскую Управу. Вотъ истинный источникъ, изъ котораго можетъ быть почерпнута достаточная сумма, для прокормленія несчастныхъ самарцевъ. Ничѣмъ такъ нельзя расположить людей къ пожертвованіямъ, въ пользу страждущихъ отъ голода, какъ пастырскимъ словомъ въ храмѣ Божиѣмъ. Желательно, чтобы и другіе батюшки, каждый въ своей церкви, пригласили своихъ прихожанъ къ посильнымъ пожертвованіямъ, въ пользу

голодающихъ. Намъ думается, что, этимъ средствомъ, не одинъ десятокъ страдальцевъ былъ бы спасенъ отъ голодной смерти.

Одинъ изъ прихожанъ Знаменской церкви слободы Уразовой. *А. Кирьяновъ,*

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАВАНІЯ

ВОРОНЕЖСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

въ 1874 году.

Въ 1874 г. Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ издаваться, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ предѣлахъ программы, утвержденной св. Синодомъ. Вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяць—1 и 15-го числа.

Вѣдомости будутъ состоять, какъ и прежде, изъ двухъ отдѣловъ—официальнаго и неофициальнаго, и прибавленій къ нимъ.

Цѣна одному экземпляру Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей *четыре рубля*, а съ пересылкою или доставкою на домъ *пять рублей*; въ томъ числѣ почтъ 60 коп.; за бандероль, упаковку и др. расходы 40 коп.

Требованія на Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости вмѣстѣ съ деньгами за оныя слѣдуетъ адресовать: въ г. Воронежъ, въ редакцію Епархіальныхъ Вѣдомо-

стей при семинаріи. При этихъ требованіяхъ, особенно въ первый разъ, должно четко и обстоятельно прописывать почтовую контору, въ которую слѣдуетъ высылать Вѣдомости, а также званіе, имя, фамилію и мѣсто-жительство получателя.

Редакція Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей покорнѣйше просятъ Редакціи всѣхъ газетъ и журналовъ, съ коими она доселѣ мѣнялась изданіями, продолжить обмѣнъ и перепечатать въ своихъ изданіяхъ настоящее объявленіе.

Въ истекшемъ Декабрѣ пожертвовано въ Училище на нужды воспитанницъ сиротъ.

Отъ протоіерея г. Вор. Тихвино-Онуфриевской ц. о. М. Петропольскаго 3 р.—Отъ протоіерея г. Воронежа Н. 3 р.—Отъ благочиннаго о. Мих. Долгополова 3 р.—Отъ коллеж. Ассесора В. В. Андреевскаго 3 р.—Отъ свящ. слоб. Новоселовки Бир. у. о. Іакова Попова 5 р.—И отъ священника NN 3 р.

№ 339-2